

ВЗГЛЯНИТЕ на фото. Конечно, вы сразу же узнали этого человека и тут же вспомнили многих героев, которым он дал жизнь. Их лица притягательны, характеры сложные и противоречивы, порой — парадоксальны. И в то же время этот артист — виртуозный мастер сценической формы, который для создания образа привлекает все средства актерской выразительности. То же самое — и на экране: чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы посмотреть только что вышедший фильм «Мой папа — идеалист», где Владислав Стржельчик блестяще исполняет главную роль.

Два дня назад я пришел в юбилей, поздравил его от лица читателей «Смены» и включил магнитофон...

— А ведь, Владислав Игнатьевич, среди своих коллег вы на особом месте имею в виду то, что вы не только актер БДТ, но и воспитанник этого театра...

— Поэтому и стаж у меня здесь уже весьма солидный: сорок третий сезон... В школе учился с Егором Лариковым, а его отец был ведущим актером БДТ. Вместе занимались в драмкружке, вместе смотрели все спектакли театра на Фонтанке. Еще не закончив десятого класса, выдержал экзамен в школу — студию при театре, которой руководил Борис Андреевич Бабочкин, и к тому же через три дня одновременно оказался принятым в труппу вспомогательного состава. Это произошло 20 марта 1938 года... А спустя месяц уже играл в спектакле «Кубанцы». Роль была, конечно, небольшая, но — «со словами»... Так как пришел сюда, по сути, мальчиком, театр стал мне, без преувеличения, вторым домом...

— Только армия смогла различить вас!

— Да, еще осенью сорокового года призвали на действительную. Военскую подготовку проходил в 24-м корпусном арtpолку, потом, в войну, командовал орудием, получил звание старшего сержанта. Если обстановка на фронте позволяла, нас, «артистов», собирали в агитзвонд или ансамбль, мы давали концерты, потом — опять в часть... Только в сорок шестом вновь вышел на знаменитую сцену... За эти годы, случалось, получал завидные приглашения в различные столичные коллективы, но изменить БДТ — выше моих сил...

— Не пытались ли сами для себя сформулировать: чем вам этот театр дорог?

— Чем интересен наш театр — об этом, наверное, в первую очередь должен сказать зритель. Что же касается моего мнения о БДТ, то, пожалуй, сильнейшая сторона нашей режиссуры — в постоянном желании и способности найти первооснову явления.

— Существует мнение, что Георгий Александрович Товстоногов сделал вас характерным актером. Разделяете его?

— Пожалуй, не на все сто процентов, потому что мне и раньше тоже доводилось исполнять характерные роли — например, в «Больших хлопотах», помнится, играл одного жулика из торговой сети... Однако правда: несмотря на то, что работали со мной режиссеры просто великолепные (Борис Андреевич Бабочкин, Владимир Платонович Кожич, Ефим Григорьевич Альтус, Иван Семенович Ефремов, Наталья Сергеевна Рахевская), мои данные, между тем, эксплуатировались чаще всего в одном направлении... Казалось бы, только радоваться — столько разных «героев» переиграл: и Лель, и Яровой, и Рио Блаз, и Энтони Грехэм, и Райский... Но в этом красивом, «героическом» наборе для молодого

артиста таилась явная опасность, что сразу же понял Георгий Александрович Товстоногов, с приходом которого в БДТ вообще резко изменилась сама эстетика нашего театра, вступившего в борьбу со всем привычно театральным. Так вот, новый режиссер решил «сдвинуть» меня в русло острохарактерности, поручив сразу же в «Безымянной звезде» роль Грига... А потом: Репетилов, Ганя Иволгин, Цыганов, Кулыгин, Ангел Д — список

— Роли — разные, но есть ли у вас, как исполнителя, какая-то общая, ну, что ли, «сверхзадача»? Что вы прежде всего ищете в своих героях?

— Откровенно говоря, в таком вот общем плане никогда над этим не задумывался. Что же я в них ищу? Пожалуй, прежде всего — доброту, и это, может, потому, что на войне особенно остро ощутил, каким бывает зло. Да, прошедшую войну пропускаю через себя снова и снова, остро вспоминая, как много мальчиков из нашего класса так и не вернулось с фронта... Прежде всего ищу сердце своего героя, и герой мне дорог особенно, если сердце у него — доброе. Такое, к примеру, как у Саши Мошкова из «Традиционного сбора», который даже согласен потерять для себя горячо любимую Агнью — только во имя того, чтобы с другим человеком она состоялась как личность... Или — Кулыгин в «Трех сестрах». Когда готовил эту роль,

приходилось на море попадать в шторм. Выплыть непросто, но собираешь силы и наконец с помощью набежавшей волны оказываешься на берегу... И потом, лежа на гальке, вдруг испытываешь ощущение необыкновенной легкости — такое же примерно чувство приходит, когда зритель не только слушает меня, но и СЛЫШИТ. Для меня очень важно это — ощутить, что боль моего героя попала в сердце зрителя. Дыхание зала вообще мне очень дорого: всякий раз, когда еще только начинаю готовиться к спектаклю, внутреннюю радиотрансляцию в своей грим-уборной включаю на полную силу. Кто-то недоумевает: «Ты что, плохо слышишь?» Да нет, слышу я вполне прилично, но вот это «дыхание» зала, дающее особый настрой перед выходом на сцену, мне совершенно необходимо — очевидно, как боевому коню звук трубы перед битвой...

музыки, мог ТАК слышать, ТАКУЮ музыку создавать... Судьба музыканта мне вообще интересна, поэтому с огромной радостью работал над образом Николая Рубинштейна в фильме Таланкина «Чайковский». Очень хотелось, чтобы зритель понял его — влюбленного в музыку, в жизнь, блестящего, ироничного, всегда неожиданного, противоречивого...

— А в театре — каких ролей ждете?

— Пожалуй, рискнул бы сыграть Барона в «На дне» или Маттиаса Клаузена — в пьесе Гауптмана... Есть у меня и свое видение Фамусова, есть свое «оправдание» Макбета и Яго (если их вообще можно оправдать). Да и в хорошем мюзикле тоже рванул бы с удовольствием...

— Не помню: до «Ханумы» вы пели на сцене!

— Немножко приходилось... Я ведь хорошо понимаю, что умный режиссер никогда не поручит мне что-то спеть всерьез, а если без претензии,

су — как в собственном доме: разные зверюшки его понимали, птицы сиделись на плече... Человек был с природой «на ты», и в мое сердце невольно закралась белая зависть...

— Назовите, пожалуйста, качество, которое больше других цените в своих коллегах!

— Полную самоотдачу. Конечно, это вовсе не означает, что на сцене надо орать, но вот не щадить себя в искусстве — непременно. Именно так в БДТ работали мои

старшие товарищи: Ольга Георгиевна Казико, Елена Мавриковна Грановская, Василий Яковлевич Софронов, Александр Иосифович Лариков, Виталий Павлович Полицеймако, Николай Павлович Корн, именно так жил мой друг Ефим Захарович Копелян... Мне за долгие годы пришлось в театре делать все. Например, в «Благочестивой Марте» исполнял испанские танцы, а в «Много шума из ничего» — танец медведя (когда меня, как водолаза, вытаскивали из медвежьей шкуры, минут

пятнадцать лежал пластом — и все равно был счастлив). Борис Андреевич Бабочкин определил меня заведовать шумовой бригадой: магнитофоны тогда не существовало, все шумы создавали сами, «вживую». Например, чтобы получился гром, мы с Беном Бенциановым буквально повисали на канатах — и там, наверху, чугунные шары начинали грохотать по железным листам... Однажды понадобилось изобразить шум работающей доменной печи. Взял командировку на завод, стоял у печи, слушал — как все это воспроизвести на сцене? Наконец осе-
 нуло! Мы терли перед микрофоном один воздушный шар о другой, рядом еще кто-то ломал о колено большие лучины — и «печь» получилась...

— Судя по всему, этому принципу самоотдачи вы следуете не только в театре, но и в жизни вообще. Я тут начал считать ваши общественные обязанности: заместитель председателя Ленинградского отделения ВТО, председатель совета Дворца искусств, депутат Ленсовета...

— Есть еще одна очень важная должность: вместе с коллегами являюсь членом бригады коммунистического труда цеха № 2 Ижорского завода и каждый квартал отчитываюсь перед рабочими в том, что доброго удалось сделать за это время, а они рассказывают о своих делах. В общем, соревнуюсь...

— Позвольте напоследок полюбопытствовать: как актер Стржельчик чувствует себя в положении юбиляра!

— Смею заверить, что юбилар чувствует себя вполне нормально, ибо шестьдесят, по моему — возраст весьма шаткий: вроде, еще не дорос до восьмидесяти, но и от сорока ушел не очень далеко... В общем, кое-что успеть еще можно...

● ВЫБИРАЕМ СОБЕСЕДНИКА

«ИЩУ В ГЕРОЕ СЕРДЦЕ...»

На вопросы корреспондента «Смены» отвечает

лауреат Государственной премии РСФСР, народный артист СССР Владислав СТРЖЕЛЬЧИК, которому завтра исполняется 60 лет

получается длинный...

— Хорошо помню эти ваши роли, да и, пожалуй, все другие, сыгранные за последние два десятка лет, и к каждой, конечно, — свое отношение. А вы сами какую из них выделяете для себя особо? Или, может, скажете: та, которая еще впереди!

— Да, тут я неоригинален: любимая роль — следующая... А вообще-то, честно говоря, не принимаю подобное деление ролей — на «любимые» и «нелюбимые». «Нелюбимая» — под такой, наверное, кто-то подразумевает роль, которая дается особенно трудно, в которую актер вкладывает особенно много сил и нервов... Но разве мать с больным ребенком не поступает точно так же? А ведь материнская любовь от этого становится лишь острее... Помню, например, как трудно давалась мне роль Цыганова в «Варварах» — прежде всего, из-за нашей возрастной разницы. Даже попросил отложить премьеру с весны на осень, чтобы было время как-то сжиться с Цыгановым, побыть с ним наедине... Георгий Александрович понял мое состояние, пошел навстречу — и потом все обр

эпиграфом к ней поставил слова: «Гимн любви!» Решительно не желал воспринимать своего героя как «чиновника», «мещанина», ведь этот провинциальный учитель, который многим прежним исполнителям представлялся некоей разновидностью «человека в футляре», на самом деле был просто переполнен высокой, жертвенной любовью к Маше. И, если Маше хорошо с Вершининым, если только с ним Маша чувствует себя счастливой, Кулыгин ради жены готов на самоотречение. Да, его самоотверженность и доброта безграничны! Поэтому, когда уходит полк и Маша плачет, мой герой плачет еще горше... И в образе Григори Соломона из «Цены» для меня важнее всего, чтобы зритель ощутил сердце этого старого оценщика. Мебель, вещи вмешиваются в человеческие отношения, излучают их, и мой герой, который прожил такую долгую жизнь, что уже, казалось бы, не должен ничему удивляться, восклицает, потрясенный: «Люди, что с вами случилось!...»

— Как вы сами ощущаете — удалась роль или нет!

— Определить это непросто, ведь градусника, к сожалению, не поставишь... Как бы объяс-

— В кинозале, на «своем» фильме, тоже прислушиваешься к дыханию зала!

— Конечно. И в единстве с тем, что я сам вижу на экране, что сам ощущаю, глядя на себя со стороны, дыхание зала дает мне как актеру обильную пищу для размышлений. Ведь в театре взглянуть на себя со стороны невозможно, а здесь смотрю фильм и понимаю: тут — мой просчет, тут — неудача оператора, а тут — режиссер недотянул... Успех или неуспех в кинороли зависит от десятка причин. Поскольку я актер театральный, то, например, очень ценю в кино репетиционный период, в связи с чем прямо-таки завидую коллегам, которые снимаются у Никиты Михалкова: там над ролью обычно работают скрупулезно, съемочную площадку обживают тщательно. И актер у него — не просто случайные партнеры, а единомышленники.

— Есть ли кинороль, о которой давно мечтаете? Судьба, которую стремитесь воплотить на экране!

— Есть. Это — Бетховен. Какое счастье для актера: проникнуть в мир человека, который, не слыша собственной

то это, наверное, можно... Помнится, в молодости я хорошо фехтовал, но и тогда бы не вышел на сцену, чтобы всерьез показать свой «спортивный класс». Дилетанство — штука опасная, претенциозность — неприятна. Поэтому, если на сцене пою или танцую, то всегда над этим как бы иронизирую...

— Попробуйте на мгновение вообразить себя не актером — какую профессию предпочтете тогда!

— Однажды в перерыве между съемками «Войны и мира», под Мухачевом, меня пригласил на прогулку лесник. Молодой человек в экзотической шляпе с пером был в ле-

У НЕГО темперамент публициста. Для него вопрос: «За чем сыграть!» — всегда важнее вопроса: «Кого сыграть!». Но он не публицист, он прежде всего — художник. Смотрите за артистом: Стржельчик будто бы не говорит зрителям ничего такого, чего бы они сами не знали. Он не заглядывает в ваши глаза, не подбивает вас на желаемые реакции, но именно в силу своей внутренней связи со зрителем всегда этой реакции добивается. И мы снова радостно признаемся себе: какой умный актер!

Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото автора